

DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.004

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД И МЕТОДЫ ЭКСПОНИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ПРАКТИК ДВИЖЕНИЯ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Лусинэ Степановна Гущян, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник, отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия); <https://orcid.org/0009-0005-7550-5315>; medievist1425@yandex.ru

Рица Шотовна Зельницкая, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург, Россия); <https://orcid.org/0009-0009-9727-0093>; riza81@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы экспонирования в музейном пространстве памятников материального наследия, анализируется мобильность кавказской женщины, а также различные женские социо-культурные практики в публичном пространстве. Обширные исследования, посвященные гендерным вопросам, позволяют говорить об актуальности обсуждаемых вопросов. Основной целью работы является проблематизация границ мобильности женщины, которые выходили за рамки домашнего очага. В первой части статьи анализируется вопрос женской мобильности, что составляет основную теоретическую задачу работы. Вторая часть статьи посвящена дискуссии как о социальном статусе кавказской женщины, так и о статусе самого пространства – городского и традиционно сельского. Указанные темы формируют практическую задачу статьи, состоящую в реконструкции условной исторической эпохи через предметный тематический ряд. Для достижения поставленной цели и решения задач, авторы использовали принципы и методы антропологии движения, которая позволяет рассмотреть по-новому отдельные явления в разные исторические периоды – от древности до современности, а также теорию социального пространства Пьера Бурдьё. Проведенные исследования демонстрируют, что кавказская женщина была включена в публичное пространство и принимала активное участие в семейных, родовых, а также квартальных обрядовых практиках. Кроме того, совершаемые женщинами визиты вежливости были неотъемлемой частью их повседневной жизни. При рассмотрении традиционно-сельского (горского) и городского пространства в статье обращается внимание на специфические элементы их различия. Музейное экспонирование позволяет продемонстрировать через предметный ряд особенности обоих типов социального пространства.

Ключевые слова: Кавказ, женская мобильность, музей, музейное пространство, экспонирование.

Для цитирования: Гуцыян Л.С., Зельницкая Р.Ш. Теоретическое обоснование, концептуальный подход и методы экспонирования традиционных гендерных практик движения в музейном пространстве // KAVKAZ-FORUM. 2024. Вып. 17(24). С.94-106. DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.004

Введение

Наиболее устойчивым способом презентации материальной культуры в мировой музейной практике является тематически обусловленный объектный метод демонстрации экспонатов. При этом в экспонировании этнографических реалий корпус предметов в основном формируется либо как демонстрация типологических рядов, либо как обстановочные сцены со статичным действием. Сложнее представляется презентация мобильности, особенно если речь идет о гендерно-полагаемом движении.

Следует отметить, что предметы, входящие в группу средств передвижения, а также ряд атрибутов, например, оружие, позволяют указать на маскулинное пространство и мобильность, такие как, например, поход воина или торговый путь купца. Демонстрация в музейном пространстве женской мобильности представляется более сложной, особенно потому, что стереотипно женское пространство воспринимается и презентуется как строго ограниченное, в рамках домашнего очага. Между тем, на основании широкого круга материалов можно говорить о том, что в традиционной культуре народов Кавказа женщины обладали определенной мобильностью, которая, однако, редко обсуждается как в исследовательских, так и в экспозиционных текстах. При этом подчеркнем, что, говоря о женской мобильности, а также ее пространстве и его границах, мы не имеем в виду карнавальные изменения гендерных статусов или шуточные переодевания, хотя посещение такого рода праздников, несомненно, являлось частью пути женщины.

Вслед за теоретиками антропологии движения, в частности, основываясь на тезисах А.В. Головнева, мы предполагаем видеть в движении «мотивированную активность, а не механическую реакцию на внешние толчки», и, соответственно, в таком случае «ключевым понятием оказывается деятельностьная схема человека. Речь идет об образе жизни, перемещениях, занятиях, мотивациях людей определенной эпохи и культуры. Поскольку в каждом народе есть люди разного возраста, пола, статуса, темперамента, рода занятий, чьи стили жизни существенно различаются, в пространстве одной культуры обнаруживается несколько деятельностьных схем... Деятельностная схема состоит из устойчиво повторяющихся действий, включая хозяйственные, сексуальные, военные, ритуальные» [1, 14]. Также в рамках антропологии движения, рассматривающей мобильность в дихотомии динамика/статика в широком смысле [1, 8], мы анализируем не

столько культуру номадов, сколько мобильность представителей оседлых культур, при этом опираемся на концепт живой коммуникации *Hominis mobilis* [1, 6].

Поскольку гендерное определение мобильности и границ пространства является одним из способов осмысления культурно-исторической реальности, оно стало темой обсуждения в ряде теоретических и исследовательских работ. Так, рассуждая об официальной гендерной таксономии, П. Бурдые указывает, что «женщинам атрибутируются такие свойства, как внутреннее, влажное, низкое, согнутое, постоянное, постольку они воспринимают как свои все домашние работы, т. е. *внутренние и спрятаные* (курсив авторов – Л.Г., Р.З.), и даже невидимые и постыдные, такие, как растить детей и животных, но также и *большую часть внешних работ* (курсив авторов – Л.Г., Р.З.), особенно тех, что связаны с водой, травой, зеленью (прополка и уход за огородом), молоком, деревом, а также самых грязных (переносить навоз), самых монотонных, самых тяжелых и самых унижительных. Что касается мужчин, то, занимая *полюс внешнего* (курсив авторов – Л.Г., Р.З.), официального, публичного, правого, сухого, высокого, прерывистого, они присваивают себе все действия, одновременно быстрые, рискованные и зрелищные. Такие действия, как резать скотину, пахать или жать, не говоря уже об убийстве или войне, которые вносят разрывы в обычное течение жизни и заставляют пользоваться инструментами, сделанными с помощью огня» [2, 294].

К вопросу о фемининных статусах и поведении в регионе обращались в ряде работ как классики этнографии начала и первой половины XX в. (Лалаян [3; 4], Лисициан [5, 182-264], Лавров [6], Чурсин [7] и др.), так и современные исследователи, в том числе и те, чьи работы собраны в юбилейном издании к 60-летию Н.Л. Пушкаревой [8]. Однако в указанных трудах аналитические ракурсы направлены в первую очередь на семейную хозяйственную жизнь женщины в традиционной культуре или современные проявления статусов женщин – общественных деятелей, учителей, врачей, актрис и др., которые в формате традиционного сообщества в основном являются маргинальными и не демонстрируют немодерные нормы фемининного поведения. Кроме того, в данных работах в основном речь идет о фемининных практиках одной, отдельно взятой этнолокальной группы.

Женское пространство, но не мобильность, как общий феномен в рамках всего региона обсуждалось крупнейшим кавказоведом Ю.Ю. Карповым [9]. В своем фундаментальном труде автор определяет границы указанного пространства и в поисках универсалий рассматривает поликультурный кавказский регион. В частности, он обсуждает дихотомию в формате пространственных разграничений мужское/женское, право/лево, верх/вниз, поскольку «подобная диспозиция наблюдается в кон-

структивном решении жилища, в поведенческих нормах общежития, обрядовой практике и др.» [9, 7]. Ю.Ю. Карпов тяготеет к основной мысли о том, что жизнь женщины сосредоточена вокруг очага, в пределах усадьбы. Более того, он указывает на то, что «для женщины езда верхом в норме считалось неприемлемым занятием» [9, 9], и для возвышения женщины над землей, в качестве «квазиконя» им рассматриваются «ходули» – высокая статусная женская обувь-котурны, изготавливаемые из дерева и богато декорированные серебром, перламутром и др. Между тем, мы бы хотели обратить внимание на несколько иной аспект – не вертикальные статусные парадигмы, а мобильность, и в таком случае конь перестает быть статусно маскулинным атрибутом и становится средством передвижения для обоих полов.

Особенно ярко проявляется идея статичности, затворничества и почти бесправия женщин в тексте Ю.Ю. Карпова о желании девушек быть мужчинами. В приводимых им примерах автор видит «с одной стороны, присутствие в девочках и девушках, то есть в еще не состоявшихся женщинах, чувства зависти к представителям противоположного пола, с другой – притягательность образа мужчины-воина в социо-культурных приоритетах и, наконец, относительную лояльность общественного мнения к указанным поступкам девушек» [9, 17-18]. Однако, следует отметить, что причина «переодевания» девушек остается все же несколько неясной. Между тем, как нам кажется, основание данного феномена может быть раскрыто посредством другой горской традиции – албанской, в которой явление «*бурнеша*» – обетного перехода девушки в статус мужчины и, соответственно, ее облачение в мужской костюм – объясняется фактором традиции кровной мести и прерыванием мужской линии в фамилии [10].

Говоря о женском пространстве, Ю.Ю. Карпов имеет в виду «внутреннее» пространство, статику, противопоставляя ее мужской мобильности. Так, он приводит в пример имеретинский ритуал, проводимый для младенцев: «с целью корректировки пространственной направленности жизни новорожденных, имеретинцы нередко уносили пуповину мальчика далеко из дома, в город, и там прятали, в расчете, что, возмужав, молодой человек уедет туда жить; пуповину же девочки зарывали в землю и очага «с пожеланием, чтобы она вышла хорошей хозяйкой и не любила ходить по другим дворам»» [9, 21]. Между тем, следует отметить, что в указанном тексте формулировка «по другим дворам» демонстрирует движение девушки/женщины за пределы своего дома/усадьбы, или, иначе говоря, расширение ее пространственных границ за пределы, указанных дома/усадьбы.

Наконец, демонстрируя женскую статичность, автор, описывая взаимоотношения подруг, подчеркивает, что «отношение с подругами, безусловно, много значили в судьбе девочки, но и они мало изменяли картину. Общаясь, проводя с ними свободное время, она все равно оставалась в

границах домашней, семейной тематики» [9, 32]. Таким образом, концепт «домашнего пространства» заменяется идеей «домашней тематики», не давая возможность увидеть тот факт, что девушки все-таки имели возможность и выходили за пределы указанных «домашних» границ.

Кроме того, Ю.Ю. Карпов приводит ряд локаций в сельском пространстве, в которые направлялись девушки и молодые женщины – это источник, пекарня и мельница [9, 35], при этом указывается, что общественные пекарни часто содержали «бедные, «веселые» вдовы и старухи» [9, 35-36]. Автор рассматриваются и «незапланированные» женские посиделки, «на которые собирались представительницы тех или иных возрастных групп. Наибольшую активность проявляли незамужние, взрослые девушки. В Осетии женские (девичьи) посиделки *чызгон бадаен* проводились соблюдением принципа очередности, либо в домах одиноких женщин. На девичьих посиделках организовывались гадания, танцы, другого рода развлечения» [9, 49]. Наконец, автор указывает на то, что между молодыми людьми «знакомства обычно завязывались во время празднеств у святилиц, на общественных сборищах и на свадьбах» [9, 41]. Отметим, следовательно, что таким образом, дорога на все эти мероприятия вела не только мужчин, но и женщин. Очевидно также, что свадебное ритуальное пространство становится наиболее важным для «выхода» молодой девушки, более того, именно во время свадебных действий происходит ее социализация в качестве «барышни», о чем свидетельствует демонстрация ее умения танцевать и, собственно, актуализация ее права на танец.

Кроме указанных светских локаций, в сообществе существовали и маршруты к религиозным святыням, по которым совершали паломничества не только мужчины, но и женщины, более того, особо почитаемые святые места привлекали жителей соседних областей. Так, во время пшавского праздника собирались не только местные жители – «почитался он и соседними народами, хевсурами, мтиулами, жителями Арагвской долины, ежегодно приходившими в местное общество на праздник Лашароба» [9, 44].

В целом, анализируя тексты, так или иначе касающиеся женской мобильности и пространственных границ, можно утверждать, что общей парадигмой исследовательских дискурсов выступает идея затворничества, доходящего почти до тотальности, однако рисунок социальной жизни кавказской женщины демонстрируется нормами и нормативами, которые все же предусматривают движение и его определенные каноны.

Основная часть

Как в контекстах, фиксирующих социо-нормативные традиции и этикет, так и в актуальном этнографическом поле, демонстрируется женская мобильность, нестатичность пространственной границы, которая, заметим, имела в основном окказиональный характер, а также зависела от со-

циального статуса женщины. Обладая соответствующим статусом в обществе и подчиняясь установленным в тех или иных сообществах канонам, женщина имела определенную мобильность.

Обсуждая социальный статус, необходимо, прежде всего, развести социальный статус самого пространства. Так, городская среда, очевидно, отличалась от горской, следовательно, основной фокус нашего исследования мы предполагаем направить в сторону этих двух социально-пространственных категорий. Маршрут горожанки и горянки отличался, более того, они имели отличный способ прохождения своего пути – соответственно, отличались средства передвижения. Здесь же, как нам кажется, следует обратить внимание на влияния и изменения, которые проявились в той и этой среде в начале XX в.

В качестве примера приведем нарратив, сохранившийся до настоящего времени в Карт-Джурте – одном из крупнейших аулов Карачая, со следующим сюжетом: абхазская княжна Мёлекхан Чачба была случайно застрелена своим деверем из семьи Крымшамхаловых, когда он чистил ружье. Услышав трагическую весть, представители семьи погибшей прибыли из Абхазии в Карт-Джурт. Процессия прибывающих была непривычной для местного сообщества, в частности, удивление вызывали средства передвижения – фаэтоны, которые были до этого неизвестны в горном Карачае. Впечатление, которое оказали прибывшие, было столь велико, что и в настоящее время этот образ вызывает эмоциональную реакцию у рассказчиков (ПМА 2021). Итак, в городской среде в конце XIX – начале XX в. использовались кареты и фаэтоны. Более того, образ фаэтона стал маркером понятия «город», как, например, в Александрополе-Ленинакане-Гюмри, и оставался таковым вплоть до 1980-х гг., когда фаэтон уже давно не был актуальным транспортным средством (ПМА 2018).

В горах же основным средством передвижения был, несомненно, оседланный конь. Кроме того, отметим, что хождение пешком повсеместно оставалось наиболее распространенным способом передвижения.

Для городского и горского женского пространства важнейшим аспектом, между тем, являлась протяженность ее пути, которая была строго нормирована для каждой социальной группы. Нарушение канонов могло привести к непоправимым последствиям – не только к проблематизации ее собственного реноме, но и к осложнению репутации всей ее фамилии в целом.

Количество и состав лиц, сопровождающих девицу или замужнюю женщину в пути, имели непосредственную связь с той причиной, которая побудила начать эту дорогу.

Здесь следует отметить особую роль брата и/или деверя как посредников девицы/молодой женщины. Более того, важнейшее место юношей-братьев, подростков, определяется и тем, что они практически об-

служивали старшую сестру или молодую невестку в аристократической или высшей городской среде. Так, в осетинской традиции, согласно тексту информантки (ок. 60 л.) о воспоминаниях ее бабушки, подчеркивался высокий статус молодой женщины, поручения которой выполняли ее юные деверья и племянники со стороны мужа. Именно таким образом постепенно формировалось и укреплялось ее положение в качестве будущей хозяйки дома (ПМА 2010). Аналогии данным правилам взаимоотношений между молодой невесткой и ее родственниками-подростками находятся также в современном абхазском обществе. Так, старшая из невесток, которая в будущем станет хозяйкой дома отца супруга, может всегда рассчитывать на поддержку и помощь со стороны неженатых юношей семьи (ПМА 2019). Более того, после заключения брака в абхазской традиции актуализируется так называемое приобретенное родство. Сразу после свадьбы семья мужа должна прилюдно назначить брата своей молодой невестке. Названным братом может стать близкий друг семьи или мужа, но не родственник. До 70-х гг. XX в. этот ритуал называли «привод невесты в большой дом» (*аџаца аџен ду лнагара*) [11, 459]. В литературе можно встретить утверждение, что привод невесты в большой дом происходил на пятнадцатый день со дня свадьбы. Кроме того, «расходы на организацию застолья в этот день брал на себя будущий родственник. Он должен был приготовить угощение для всех гостей. Постепенно этот обычай утратил свое значение, а в наши дни частично и в измененном виде сохранился в Бзыбской Абхазии. За установлением такого родства автор лично наблюдала в г. Гудаута в семье Р. Гунба в 2000 г. В селе Кутол Ш. Шларба привел в большой дом жену Л. Сакания. По рассказам будущего брата невесты, Шота взял на себя все расходы на свадьбу (приблизительно 200 человек гостей). С этого дня, следуя древнему обычаю, Л. Джопуа и Ш. Шларба считают себя братом и сестрой» [12, 37].

Таким образом, при рассмотрении женских пространственных границ становится очевидным, что фемининная мобильность достигает своего пика в завершающие годы девичества и первые годы замужества женщины. Это объясняется ее обеспеченным общественным канонем, маргинальным статусом в период до рождения первенца. Между тем, и женщины, достигшие статуса «хозяйки дома» и даже позже, пользовались мобильностью, однако это было связано уже с ее социо-возрастным статусом «пожилой женщины» – проводника, сопровождающей молодых. Следует также подчеркнуть, что в формате традиционного сообщества девушка/женщина воспринимается как субъект, который может как поднять реноме всей фамилии, так и опустить его. Заметим также, что женщинами рода могли гордиться, то есть они формировали репутационный ресурс фамилии в целом. Однако и здесь замечаются нормативные градации – гордились сестрами, дочерьми (в качестве примера можно обратиться

к сюжетам Нартского эпоса), но не женами, поскольку репутация образцовой матроны не могла быть предметом гордости, а воспринималась не только как эталон, но и как норма.

Итак, теоретическое обоснование, концептуальный подход и методы экспонирования гендерных практик в музейном пространстве в настоящее время приобретают исключительную актуальность, что связано с интересом к традиционной культуре вообще и региональной (или локальной) культуре в частности, а также с переосмыслением социальных женских ролей. А поскольку этнографический музей в первую очередь экспонирует не отдельные предметы-шедевры, а конструирует для демонстрации условные исторические контексты, проблематика способов выставления теоретически обоснованных тематических рядов, связанных с гендером и пространством, приобретают здесь особые направления и методологические курсы.

В качестве примера музейного экспонирования мы предлагаем к обсуждению серию тематических выставок в Российском этнографическом музее, объединенных в проект под общим названием «Прогулки по кавказскому городу (кон. XIX – нач. XX в.)». Первоначально в серии выставок акцент делался на урбанистических практиках, что объяснялось очевидностью визуализированных дифференциаций между традиционной культурой, воспринимаемой как внегородская и, собственно, городской – современной культурой.

В ходе создания концепции выставочного проекта базовыми стали следующие принципы: в кон. XIX – нач. XX в. в историческом кавказском городе сформировалась особая активная среда, объединявшая представителей различных этноконфессиональных и социальных групп горожан, занимавших отдельные культурно-экономические ниши. В городской жизни в указанную эпоху сочетались, с одной стороны, устоявшаяся традиция тяготеющего к статичности *modus vivendi*, а с другой – динамика, связанная с урбанистической мобильностью и современными изменениями эпохи. Презентация городских практик предполагалась при помощи малого жанра – небольших по объему выставок, что позволило выделить отдельные знаковые аспекты, представляющие многогранный образ южного, кавказского города.

Тематически выставки были разделены в соответствии с концептуальными задачами. В первой из них – «Выход в город» «Выходной костюм горожан конца XIX – начала XX в.» (2019) – рассматривалось значение прогулки как формы времяпровождения и выходного костюма как демонстрации статусов в городской среде. Далее были представлены выставки «Да не будет среди нас, братья, недовольных...» Духан – мужское пространство кавказского города» (2020), «Детское воспитание и образование в кавказском городе» (2020), посвященная повседневной жизни детей в городском

сообществе второй половины XIX – начала XX в., «Шелковая тема» (2021), «Праздник в кавказском городе» (2022).

Выставка «Женщина дома и в гостях», созданная в 2023 г., стала тем проектом, в котором мы попробовали поставить исследовательский вопрос, касающийся «женского пространства». Богатый предметный материал, имеющийся в собрании Российского этнографического музея, позволил не только расширить наши представления о женской мобильности, но и выявил новые вопросы. Кроме того, важной составляющей экспонирования оставался эстетический аспект, поскольку то, что касается женской тематики, несомненно, эстетизируется как акторами, так и в ожиданиях публики.

Таким образом, представленная в РЭМ выставка была посвящена женской мобильности, рассматриваемой через практики женских визитов, широко распространенных на Кавказе как в городской, так и в горской среде в конце XIX – начале XX в.

Так, горожанка, в первую очередь христианка, но и также и мусульманка, должна была совершать визиты вежливости как в семейной, так и в квартальной среде. Регулярное участие девицы в женских встречах являлось важным этапом, означающим ее включение в данное сообщество. Женщины постарше принимали гостей, а владение искусством гостеприимства – создания приятной атмосферы, умение занять и угостить гостей – являлось признаком состоявшейся хозяйки.

Прием гостей в городской среде предусматривал соответствующий интерьер гостиной, в экспозицию этого раздела выставки была включена престижная утварь – медный ручной мойник, состоящий из кувшина и таза, посуда – керамические вазы и тарелки, в которых подавались фрукты, сладости, а также напитки. Особенностью городской практики женской мобильности были крупные общественные застолья, среди которых важнейшим, очевидно, являлись свадебные пиры. Многоплановость свадебного действия включала обязательные танцевальные туры, участие в которых фиксировалось в специальных дамских блокнотах, один из которых был представлен на выставке.

Маршруты горожанок не ограничивались домашними визитами. Городской образ жизни предусматривал посещение бань, которые рассматривались не только как места для проведения гигиенических процедур, но и как общественные клубы. Горожанки собирались в банях для того, чтобы помыться, отдохнуть, обсудить последние новости, завязать новые знакомства, присмотреться к молодым девицам на выданье. При подготовке к посещению бани женщина заворачивала необходимые предметы в специальную, богато декорированную хлопчатобумажную или шелковую ткань, такой сверток за ней нес мальчик-слуга. В числе банных принадлежностей был набор серебряных косметических инструментов, который заказывался известным ювелирам. В набор входили щипчики

для удаления волос, пилки и ножнички для ухода за ногтями, зубочистки. Для умягчения волос и тела использовались уксус, льняное, оливковое или миндальное масло, ваниль, которые хранили в небольших стеклянных или металлических сосудах, экспонируемых в составе банных атрибутов горожанки. Сюда же входят изящные флаконы для декоративной косметики – румян, сурьмы и белил. На выставке был представлен шелковый платок для гигиенических принадлежностей, маркирующий такое сложное явление, как посещение бани.

Музыкальное сопровождение являлось неотъемлемой частью вечернего женского досуга, а умение играть на музыкальных инструментах, как и владение танцевальным искусством, повышало статус хозяйки и гостей. В свою очередь, для визита горожанка надевала богатый костюм, в состав которого, кроме сложного головного убора, входили выходное платье и верхняя распашная одежда.

В горской среде аналогичные визиты были более ритуализированы и связаны с годовым, а также жизненным обрядовым циклом, в частности со свадебной обрядностью. Во время свадьбы собирались представители обеих, в будущем родственных фамилий, при этом присутствие женщин разных возрастных категорий являлось обязательным, поскольку ряд ритуалов совершился именно ими.

Дальние поездки молодая женщина совершала верхом, при этом конская упряжь могла являться одной из составляющих ее приданого. В аристократических и зажиточных кругах общества заказывалось специальное женское седло, а также роскошный конский нагрудник. Именно такой, богато декорированный золотом конский нагрудник, был представлен на экспозиции. Данный экспонат уникален и тем, что сохранилась информация об его изготовлении и владелице – «для дочери абхазов Мариам», что дает возможность предположить его принадлежность представительнице владетельного дома, а также то, что данный предмет входил в состав приданого невесты из указанного дома. Кроме этого, в приданое входили демонстрируемые на выставке скатерти, салфетки, кисеты, вышитые невестой, а также ее инструменты для рукоделия. Особым признаком высокого статуса женщины являлся также веер, которым она могла прикрывать лицо, что служило демонстрацией ее скромности в публичных местах. Два уникальных веера из разных материалов нашли свое место на выставке.

Важной составляющей выставки является также исключительно ценное женское седло с ногойкой, уникальность которых, как и значимость, весьма велики. Данный корпус предметов вновь доказывает выдвинутый нами тезис о широте границ женской мобильности и актуальности в традиционной культуре коня как не только маскулинного средства передвижения.

Музыкальное исполнение здесь также являлось важной составляющей женских компетенций. В горской культуре были распространены в

основном струнные щипковые музыкальные инструменты, которые считались исключительно женскими.

Заключение

Таким образом, источниковая база в формате текстов, предметного ряда и полевых материалов демонстрирует возможность создания методологических подходов и формирования теоретических обоснований, приглашающих к обсуждению женской мобильности в традиционной культуре в музейном, условном и эстетизированном пространстве. Анализ указанных источников также позволяет утверждать, что практики женских визитов имели доминирующее социо-коммуникативное значение и обеспечивали устойчивые связи в семейной и квартальной среде. Следовательно, в традиционной культуре народов Кавказа женское пространство не ограничивалось домашним очагом, а женщины обладали определенной подвижностью, которая во многом зависела от их социального статуса. В свою очередь границы этого пространства определялись теми канонами, которые были установлены сообществом.

1. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН; Волот, 2009. 496 с.

2. Бурдые П. Мужское господство / пер. с франц. Ю.В. Марковой // Социальное пространство: поля и практики. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 286–364.

3. Лалаян Е. Труды в пяти томах. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983. Т.1. 457 с.

4. Лалаян Е. Труды в пяти томах. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1988. Т.2. 505 с.

5. Лисициан С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.1. С. 182–264.

6. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1969. Т.4. С. 109-118.

7. Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1913. 190 с.

8. Текуева М.А. Сексуальная культура адыгов // Гендер в фокусе. Исследования по гендерной антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности / отв. ред. З.З. Мухина, А.В. Белова, Н.А. Белова, С.В. Канькин. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 282–289.

9. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2013. 408 с.

10. Young A. Women who become Men: Albanian sworn Virgins. Oxford: Berg Publishers, 2000. 168 p.

11. *Инал-ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965. 695 с.

12. *Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Трансформация социальных отношений в Абжуйской Абхазии на примере села Джгерда (середина XIX-XX в.). Карачаевск: КЧГУ, 2020. 196 с.

THEORETICAL SUBSTANTIATION, CONCEPTUAL APPROACH AND METHODS OF EXHIBITING TRADITIONAL GENDER PRACTICES OF THE MOVEMENT IN THE MUSEUM SPACE.

Gushchian, Lusine S. – PhD in Cultural Studies, leading researcher of the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, The Russian Museum of Ethnography (Saint Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0009-0005-7550-5315>; medievist1425@yandex.ru

Zelnitskaya, Ritsa Sh. – PhD in History, senior researcher of the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, The Russian Museum of Ethnography (Saint Petersburg, Russia); <https://orcid.org/0009-0009-9727-0093>; riza81@yandex.ru

Keywords: *Caucasus, women's mobility, museum, museum space, exhibition.*

The article deals with the problems of exhibiting monuments of material heritage in the museum space, analyzes the mobility of Caucasian women, as well as various women's socio-cultural practices in public space. Extensive research on gender issues allows us to speak about the relevance of the issues discussed. The main purpose of the work is to problematize the boundaries of women's mobility, which went beyond the home. The first part of the article analyzes the issue of female mobility, which is the main theoretical task of the work. The second part of the article is devoted to the discussion of both the social status of the Caucasian woman and the status of the space itself – urban and traditionally rural. These topics form the practical task of the article, which consists in reconstructing a conditional historical epoch through a subject thematic series. To achieve this goal and solve problems, the authors used the principles and methods of the anthropology of movement, which allows us to consider in a new way certain phenomena in different historical periods - from antiquity to the present, as well as the theory of social space by Pierre Bourdieu. The conducted studies demonstrate that the Caucasian woman was included in the public space and took an active part in family, tribal, and quarterly ritual practices. In addition, the courtesy visits made by women were an integral part of their daily lives. When considering the traditional rural (mountain) and urban space, the article draws attention to the specific elements of their differences. Museum exposure allows you to demonstrate through the subject range the features of both types of social space.

For citation: Gushchian, L.S., Zelnitskaya, R.Sh. *Theoretical substantiation, conceptual approach and methods of exhibiting traditional gender practices of the movement in the museum space. KAVKAZ-FORUM. 2024, iss. 17(24), pp.94-106. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.24.17.004*

References

1. Golovnev, A.V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoj Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg, UrO RAN; Volot, 2009. 496 p.
2. Bourdieu, P. *Muzhskoe gospodstvo* [Male domination]. Translation from French by Yu.V. Markovoi. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Moscow, Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg, Aletejya, 2005, pp. 286–364.
3. Lalayan, E. *Trudy v pyati tomah* [Works in five volumes]. Erevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1983, vol. I. 457 p.
4. Lalayan, E. *Trudy v pyati tomah* [Works in five volumes]. Erevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1988, vol. II. 505 p.
5. Lisitsian, S.D. *Ocherki etnografii dorevoljucionnoi Armenii* [Essays on the ethnography of pre-revolutionary Armenia]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955, vol. I, pp. 182-264.
6. Lavrov, L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachai and Balkaria until the 1930-s.]. *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian ethnographic collection]. Moscow, Nauka, 1969, vol. 4, pp. 109–118.
7. Chursin, G.F. *Ocherki po etnologii Kavkaza* [Essays on the ethnology of the Caucasus]. Tiflis, Tipografiya K.P. Kozlovskogo, 1913. 190 p.
8. Tekueva, M.A. *Seksual'naya kul'tura adygov* [Sexual culture of the Adygs]. Muhina, Z.Z., Belova, A.V., Belova, N.A., Kannykin, S.V. (eds.). *Gender v fokuse. Issledovaniya po gendernoi antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* [Gender in focus. Research on gender anthropology, family ethnography and social history of everyday life]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 2019, pp. 282–289.
9. Karpov, Yu.Yu. *Zhenskoe prostranstvo v kul'ture narodov Kavkaza* [Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2013. 408 p.
10. Young, A. *Women who become Men: Albanian sworn Virgins*. Oxford, Berg Publishers, 2000. 168 p.
11. Inal-ipa, Sh.D. *Abkhazy* [Abkhazians]. Sukhumi, Alashara, 1965. 695 p.
12. Zel'nitskaya (Shlarba), R.Sh. *Transformatsiya sotsial'nykh otnoshenii v Abzhuis-koi Abkhazii na primere sela Dzhgerda (seredina XIX-XX v)* [Transformation of social relations in Abzhui Abkhazia on the example of the village of Dzhgerda (mid-XIX-XX centuries)]. Karachaevsk, Karachay-Cherkassian State University, 2020. 196 p.